

ГОД ТРИНАДЦАТЫЙ: К ТОПОЛОГИИ ПОЛЕЙ РИСКОВ

В России 20 века, особенно первой его половины, сложился устойчивый стереотип сравнения, по крайней мере, экономических показателей страны с показателями тринадцатого (1913) года. Будет ли воспроизведен этот стереотип сравнения в 21 веке, сказать сложно, мы еще даже не перешагнули рубежа 2013-го. Несомненно одно – символическая природа тринадцатого года (и самого года, и его дискурса) в истории, и российской, и европейской. И дело, пожалуй, в гораздо большем, нежели отдельные социально-экономические и политические параллели масштабом в столетие, сколь бы очевидны и поучительны они ни оказывались¹.

Дело, скорее, в том, что для предыдущих четырех столетий о тринадцатом годе по справедливости можно говорить как о «годе накануне» – накануне нового миропорядка, а значит, и новых рисков и, увы, новых войн. Ибо восстановление русской государственности (и последовавшее за ним окончание Смуты) в 17 в., Адрианопольский дого-

вор в 18 в., Рейхенбахские конвенции и Гюлистанский мир в 19 в. и поддержка Лондонского договора в 20 в. означали для России все большее втягивание в мировую политику и испытание на прочность во все более усложняющихся и все более масштабных как в территориальном, так и в социальном смысле военно-политических реалиях. В свою очередь и для Европы (и ее будущего «больного человека» Турции) названные события – а также Утрехтский и Бухарестский мирные договоры – открывали череду новых войн, со вступлением в которые не только воюющие стороны, но и весь мир окончательно вступал в новый век, не календарный, но политический (в 17-й – с началом Тридцатилетней войны, прологом которой стала русская Смута², в 18-й – с началом войн «за наследство», плавно перетекших в Семилетнюю войну, в 19-й – с Кавказской, Русско-турецкой 1828–1829 и Крымской войнами и в 20-й – с началом Первой и Второй мировыми).

И потому не удивительно, что контент нового номера журнала «Пространство и Время» можно рассматривать как, с одной стороны, своего рода энциклопедию исторических и современных рисков (во всех смыслах этого термина³) – от природных («Кумулятивное плазменное оружие против метеороидов. Часть 2. Механизм рельсотрона Высыкайло. Бициклон в молнии» Ф.И. Высыкайло; «Мертвое море: геология, происхождение, мифы. Часть 3. Колебания уровня рассолов как отражение жизни соленосных недр Мертвого моря и его аналогов» Г.А. Беленицкой, «Анализ и сопоставление современных геодинамических процессов на платформах и в зонах коллизии по данным сейсмического просвечивания литосферы» Н.Г. и А.Г. Гамбурицевых Н.С. Сидоренкова и О.А. Усольцевой, «Озоновый слой и погодные аномалии осени 2013 г.: аномально холодный и мокрый сентябрь в Восточной Европе; наводнение на Амуре; природные пожары в Австралии; аномально теплый ноябрь в России» В.Л. Сывороткина) до информационно-коммуникативных («Коммуникативное пространство как среда обитания языка» В.И. Шляхова, «Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества» В.В. Кафтана и Д.Н. Щербины, «Безопасность виртуальных социальных сред в информационном обществе» Г.Б. Прончева, Д.Н. Монахова и В.В. Лонцова, «Методика обучения информационной безопасности старшеклассников» М.И. Бочарова и И.В. Симоновой). На страницах очередного номера журнала внимательный читатель найдет обсуждение вопросов генезиса и обстоятельства проявления таковых рисков, многообразия форм реакций на них и поисков путей их преодоления («Направленность интегральной реакции биосистемы: хронодиагностика, прогнозирование и биоуправление жизнедеятельностью» С.Л. Загускина, «Представления о справедливости в контексте предфилософских категорий древнеегипетской культуры» В.В. Жданова, «Образы культурных пространств в философской эзотерике и в утопическом мышлении» М.Я. Сарафа, «Достижение ноосферы» А.М. Тарко, «Вопрос о личностном бытии в западноевропейском теизме» Е.Н. Аникеевой, «Исход на Юг» академика РАН Е.П. Чельшева).

С другой стороны, 2013 год оказался богатым на знаковые даты – и это как юбилеи со дня рождения тех, без кого не была бы возможна ни смена эпох в истории Человечества, ни осмысление этой смены («...чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь»: о Пико делла Мирандола» Л.М. Баткина, «300-летие Дени Дидро» Т.Б. Длугач, упомянутая работа А.М. Тарко), так и уход из жизни тех, чье наследие еще предстоит переосмыслить («Памяти Франца Халберга» Р.М. Заславской, «Концепции и идеологемы сталинизма: Сталин и война» В.И. Харламова), в том числе и в терминах социальных рисков. В тех же терминах может быть осмыслена и выхваченная исследовательским взглядом из множества жизней жизнь отдельных «социальных агентов» – действующих лиц масштабной исторической драмы смены типов и форм социальных действий, взаимодействий и отношений («Реальное лицо героя: поручик Ржевский в зеркале петровских военно-судебных реформ» О.В. Григорьева, «Дела и судьбы Шангиных. Часть 2. Младшее поколение» Е.Ф. Буриштейна).

¹ Иноземцев В. Тринадцатый год. Россия сейчас и сто лет назад: кардинальные различия и невероятные сходства // Московский комсомолец. 2013. 4 сентября. № 26324; Фурсов А.И. Далекие зеркала: 1913–2013 [Электронный ресурс] // Однако. 2013. 22–29 января. Режим доступа: http://www.odnako.org/almanac/material/show_23304/

² См., напр.: Фурсов А.И. Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем [Электронный ресурс] // Русский обозреватель. 11.03.2010. Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/ru-club/5948>

³ «Риск – 1) Возможная опасность. 2) Действие наудачу в надежде на счастливый исход дела. 3) Возможный убыток или неудача в каком-либо деле» (Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>); «Рисковать, рискнуть франц. пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон (от игры); рисковать что или чем, подвергаться чему, известной опасности, превратности, неудаче» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб. – М.: Изд-е книгопродавца типографа М.О. Вольфа. 1882. Репринт. Т. 4: Р–У. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. С.96).

«Выдвигая проблему рисков в ресурсном пространстве власти, следует сконцентрировать внимание на институциональных, “полевых” и персонифицированных структурах этого пространственного бытия власти»¹ – и на страницах нового номера такие структуры выступают как одновременно геополитические и, шире, социальные ресурсы, и как источники соответствующих рисков – геополитических, социально-экономических, культурных, угрожающих духовному, социальному и физическому здоровью человека, самой возможности его адаптации в новой реальности (*«Геополитические ресурсы: попытка классификации»* Н.А. Комлевой, *«Растущее недоверие ЕС – причины и терапия»* Г. Вагнера, *«Системы ценообразования на лекарственные препараты в России и за рубежом»* И.И. Марущака и М.О. Ольховской, упомянутая статья М.Я. Сарафа). Диалектический парадокс, однако, заключается именно в том, что, будучи ресурсами власти, соответствующие структуры – поля и институты социального пространства – создаются персонифицирующими их «социальными агентами» именно в целях (декларируемого) снижения уровня рисков и адаптации к изменяющимся реалиям (*«Русская государственность: опыт возрождения и Дом Романовых»* М.Д. Валовой, упомянутые статьи О.В. Григорьева и В.И. Харламова).

Собственно, именно возникновение новых и изменение прежних характерных (для эпохи и региона) социальных взаимодействий и отношений и знаменовало наступление каждого следующего «нового политического времени» – и эти же изменения (а также действия и целеполагания, направленные на таковые изменения, и модальности, в которых эти изменения описывались) порождали и маркировали новые поля рисков. Поля, особенностью которых становилось усиливающееся от века к веку расширение того, что с известным допущением можно было бы назвать «окрестностью центра изменений». Если последний понимать как определенный геополитический центр (географический и социальный локус, средоточие акторов в момент принятия ими управленческих решений), то «окрестность» его оказываются не только прочие связанные с ним геополитические игроки различной степени удаленности от места (а иногда и времени) протекания социального процесса. К «окрестности» будут относиться и привлекаемые данным центром для достижения своих целей поля социального пространства, и смыслы (семантические поля)².

В архаическом социуме такими центрами изменений становились ядра воспроизводства, охваченные воспроизводственными циклами (*«О вычислении социальных констант в моделировании эволюции архаического социума»* В.А. Шведовский), и культурно-семиотическое воспроизводство (образование этнолингвистических и религиозно-мифологических систем) явилось, возможно, первым эффективным способом снижения природных и социальных рисков и, тем самым, действенной формой не только последующей социально-политической интеграции и дифференциации, но и переноса социокультурного импульса из центра (культурных) изменений в его «окрестность» (*«Хуцау и дауаги: два нерешенных вопроса в историко-семиотическом анализе дохристианских индоевропейских верований у аланов»* О.Н. Барабанова, упомянутая статья В.В. Жданова). Не потому ли и в последующие эпохи, эпохи куда более рационалистического видения мира, каждый новый виток развития социально-экономических отношений и вызванного роста рисков вызывал к жизни и новый виток творения мифов (упомянутые статьи Л.М. Баткина, М.Я. Сарафа, А.М. Тарко, М.Д. Валовой, В.И. Харламова, *«Ответ на письмо в редакцию, написанное В.А. Ахмадуллиным и опубликованное в номере 3 (13) журнала "Пространство и Время" за 2013 год»* С.О. Елишева). И это не только лишь потому, что «философ по природе своей любит мифы и изучает поэтические вымыслы» (цит. Полициано по упомянутой статье Л.М. Баткина), но по той причине, на которую указывал Ницше, отмечая, что «миф и не должен быть правдой, его функция иная – не адекватное отражение действительности (тогда это было бы научным знанием), но обеспечение психологического единства общества» (цит. по упомянутой статье Н.А. Комлевой). По той же причине сохранение национальной мифопоэтической картины мира остается надежным способом сохранения не только культурного многообразия, но и нации как таковой (*«Сюжетная модель медитации и думки как форма авторского сознания»* Т.А. Винник).

Начиная с античности ядрами воспроизводства – и основных политических ресурсов, и главных рисков, и новых мифов и мифологических систем – стали города³. Эпоха Просвещения, со всей остротой поставившая проблему природы и ее исправления, породила две мифологемы, сохраняющие статус парадигмы и в 21-м веке, – мифологеме образования и воспитания (упомянутая статья Т. Длугач) и мифологеме градостроительства. И то, и другое равно было призвано служить улучшению нравов, в том числе и политическими методами – «Из чего складываются соборы?» – задается вопросом А. Лефевр и отвечает: «Из политических актов»⁴, и уж тем более из политических актов складываются планы городов (*«Пространство города эпохи Просвещения в первом проектом плане Москвы 1775 года»* Ю.Г. Клименко). Однако и образование и воспитание, и градостроительство, каждое по-своему создающие человеческий «дом бытия» и организующие – связывающие – пространство, в качестве важнейших ментальных, институциональных и «полевых» ресурсов становятся как объектом, так и источником новых рисков.

В информационную же эпоху центры изменений и их окрестности возникают – создаются – непосредственно в семантическом пространстве. В естественнонаучной сфере такие изменения – неизбежные спутники научно-технического прогресса, способствующие не просто приращению знания о первой природе, но в ряде случаев и смене научных парадигм (*«От Ньютона до параметризованного постньютоновского формализма: нули и единицы»* А.В. Кочеткова и П.В. Федотова, *«Новое о колебательных процессах в сердечном ритме (непрерывный вейвлет-анализ)»* С.Г.

¹ Устьянцев Б.В. Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник Волгogr. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. 2011. № 2(14). С. 106.

² Подробнее см.: Тынянова О.Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 1: Пространство и время границ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%201/rubr8-tehnika-tehnologii-nfrastruktura-st2-tyanovaon-2013.pdf>

³ См., напр.: Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью [Электронный ресурс] // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-76.htm>, Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12; Gottmann J. *La politique des États et leur géographie*, Paris, CNRS, 2007.

⁴ Лефевр А. Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). 12 июля. Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=125>

Куклина, И.М. Михалевича, Н.Ю. Рожковой, А.А. Дзизинского, Ю.М. Титова и А.А. Темникова). Сегодня, однако, рискогенные процессы охватывают самую сферу языка, которая изначально была названа «домом бытия» («Влияние англоязычной военной лексики на язык бундесвера как следствие глобализации» А.А. Пискарьевой, упомянутые статьи Н.А. Комлевой, В.В. Кафтана и Д.Н. Щербины, Г.Б. Прончева с соавт.). Да, можно было бы согласиться с профессионалами-семеологами в том, что «...топология лексико-семантического пространства – самое устойчивое, что есть в языке. Лексическая семантика национальна по форме и общечеловечна по содержанию»¹. Однако целеполагание, выраженное в языковых и логических модальностях, векторизует пространство человеческой деятельности², облекая любую топологию в форму жесткой конкуренции за пространственные ресурсы.

Более того, сам процесс формирования центров социальных изменений и их «окрестностей» оказывается формой такого целеполагания – и формой проявления важнейшей из «осей», существующих в социальном пространстве и организующих его, – оси «свой – чужой». В этом смысле вот уже пятый век тринадцатый год в политической истории России и Европы – год преддверия риска тотального изменения такой социальной шкалы. Риск этот, заметим, наиболее существенен для социального пространства, ибо не просто служит подтверждением правоты хрестоматийного паретовского описания истории как кладбища элит – это риск деградации и разрушения социальных связей вследствие допустимости описания каждого (и соответствующей социальной позиции) каждым (со своей социальной позиции) в терминах отсутствия, восходящих к архетипу «абсолютного Другого»³, – что является необходимым и достаточным условием для войны всех против всех. К 2013 году стало очевидным, что, во-первых, в тех же самых терминах может описываться не только этнокультурное или любое иное поле, но и окружающая (природная) среда, точнее, физические законы, «мешающие» осваивать ее или «чужое» ресурсное пространство, и, во-вторых, что современное государство, превращаясь в «государство-корпорацию» (А. Фурсов), отнюдь не гарантирует от новых форм войны всех против всех.

Ранее мы уже цитировали⁴ утверждение С.С. Аверинцева о монологической и диалогической формах знания, отмечая диалогизацию (гуманитаризацию) знания экологического и его превращение в инструмент символической власти. К 2013 году стало понятно, что «пустая форма символа»⁵ может возникнуть и в результате уничтожения самой возможности диалога с тем его участником, социальный статус которого отнесен к категории «чужого» – и по прошествии ста лет после окончания «дела Бейлиса» оказалось, что инаковость для государства может определяться не только по этноконфессиональному признаку (хотя последний остается одним из наиболее устойчивых). К числу «тех, кого Зиммель называл внутренними врагами – бедных, преступников и душевнобольных»⁶ – двадцатый век добавил «классовых врагов», «врагов народа» (упомянутая статья В.И. Харламова), стариков и инвалидов («Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг.» А.С. Ковалёва), а двадцать первый век – всех, кто может рассматриваться в качестве «монопольного обладателя эксклюзивного пространственного ресурса» (упомянутые статьи Н.А. Комлевой, В.В. Кафтана и Д.Н. Щербины), а также тех, чьи социальный статус и уровень доходов лежат в окрестности прожиточного минимума.

Тем самым термин «ксенократия», введенный в 1976 г. С.С. Аверинцевым для описания именно и только иноэтничной власти в европейском социуме на рубеже античности и Средних веков⁷, в 21 веке приобрел куда более широкое значение – значение сущности целеполагания «государства-корпорации» по отношению к сохраняющимся национальным культурным образцам, а также политики, проводимой по отношению к носителям таковых образцов, крайней формой чего является *ксеноцид* – уничтожение всех «социальных агентов» (и/или их социальных позиций), которые по каким-либо (любимым) признакам отличаются от «агентов» (и/или «корпораций»), контролирующих ту или иную территорию.

Задаваясь – вслед за авторами очередного выпуска журнала – вопросом о возможности и ресурсах противостояния разрушительному воздействию различного рода превращенных форм – идет ли речь о власти, науке или религии, – ответим на этот вопрос так, как отвечал на него П.А. Флоренский, рассматривавший Логос и культуру как силы, противостоящие второму закону термодинамики⁸ (и, добавим, социальной энтропии, безжалостно уничтожающей любые пространственные ресурсы). Ответим на этот вопрос и так, как отвечали на него Джованни Пико делла Мирандола и Дени Дидро, противопоставившие деградации и хаосу единственное оружие – ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА.

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. Год тринадцатый: к топологии полей рисков / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 10—12.

¹ Кретов А.А. Десять утверждений о лексической семантике [Электронный ресурс] // Русский язык в условиях интеграции культур: XXVI Распоповские чтения: материалы Международной конференции (Воронеж, 26–27 февраля 2008 г.) Режим доступа: <http://www.filologia.ru/semantika>

² «...грядущее будущее не нейтрально, а входит в сферу культурно-смысловых значений, в основе которых лежит мотивация ответа [курсив А.С. Панарина – О.Т.]» (Панарин А.С. Глобальное прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: УРСС, 1999. С. 32).

³ Соколовский С.В. Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах России // Этнометодология: Проблемы, подходы, концепции. Вып. 5. М., 1998. С. 81; Солдатова Г.У. О социально-психологической компоненте этнической границы // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

⁴ Тынянова О.Н. Миры человека: от топоса к пространству // Пространство и Время. 20013. № 3(13). С. 10.

⁵ Аверинцев С.С. Символ // Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. К.: Дух і Літера, 2001. С. 159.

⁶ Парк Р. Указ. соч. С. 9.

⁷ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции...

⁸ Флоренский П.А., священник. Сочинения в 4 т. Т. 1 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. С. 39, 74.